

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский
Заложники дьявола

«Автор»

2007

Незнанский Ф. Е.

Заложники дьявола / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
2007 — (Возвращение Турецкого)

В семье Александра Борисовича Турецкого ожидается радостное событие – его жена готовится стать матерью. Все свободное время помощник генпрокурора России проводит в больнице у Ирины, которой врачи прописали полный покой, ведь только так можно сохранить здоровье их будущего ребенка. Но именно в это и без того напряженное время Турецкому поручают сложное и странное дело: из психоневрологических больниц города начинают исчезать девочки-сироты. Известно, что одна из них через несколько месяцев после исчезновения подорвала себя во время концерта популярной рок-группы. Жертвами маленькой самоубийцы стали ее ровесники... «Белокурые шахидки»? Возможно. Но кто, как и с какой целью готовит их? Начиная расследование, Турецкий и не подозревает, какой ужасной трагедией оно обернется для него лично...

Содержание

МАЙЯ	6
ГОССОВЕТНИК ЮСТИЦИИ	9
МАЙЯ	25
ГОССОВЕТНИК ЮСТИЦИИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Заложники дьявола

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

МАЙЯ

– Идиотка! Ты что, спалить нас вздумала?!

Красное, распаренное от жары, злобное лицо медсестры возникло перед ней словно ниоткуда. Девочка невольно отпрянула назад, охнув и больно стукнувшись спиной о подоконник, возле которого стояла. Зажженная спичка, вырвавшись из ее пальцев, с шипением, словно крохотная шаровая молния, описала в воздухе дугу и упала на вытертый сотнями шаркающих ног линолеум коридора.

Майя только теперь увидела на полу у своих туфель с дюжину таких же обгоревших спичек и поняла, почему так разъярилась медсестра: она жгла их, не отдавая себе в этом отчета, позабыв, что коробок нужно прятать, ибо здесь, в стенах лечебницы, нельзя держать при себе ничего колющего, режущего, воспламеняющегося... «Господи, – взмолилась она, – где ОН? Почему так долго?..»

Медсестра вдруг круто развернулась и возвратилась за свой столик. И тут же послышался голос мамы: «Не плачь, доченька, все будет хорошо... Главное – дядя Юра... Слушайся его во всем! Пока, милая, до встречи!..»

– Да, мамочка... Все будет хорошо, целую тебя... – Майя только в этот момент почувствовала, что щеки ее мокры от слез, а сами слезы – горячие, словно при высокой температуре. – Мамочка...

Но ее уже не было рядом. А где-то в конце коридора резко, словно взорвавшаяся петарда, хлопнула дверь.

– А вот плакать не нужно, девочка, потому что все действительно будет хорошо! Ты ведь попрощалась с мамочкой?.. Ну вот, скоро, совсем уже скоро снова встретитесь...

Это сказал уже дядя Юра, а она и не заметила, как и когда он вывел ее на крыльцо больницы, на котором они теперь и стояли, глядя на просторный, посыпанный гравием двор с редкими, далеко отстоящими друг от друга безликими корпусами.

Несмотря на ранний час, а главное – на теплый для нынешнего мая, почти летний, ясный и солнечный день, кроме них двоих не видно было ни единого человека. И даже пандус, на котором обычно теснились машины «скорой помощи», оказался пуст. Неужели она и впрямь не вернется больше в это ужасное место?

«Господи, спасибо Тебе за то, что Ты послал нам с мамочкой дядю Юру!..» Эта мысль за последний месяц постоянно возникала у Майи, по несколько раз за день она благодарила Всевышнего за посланное им спасение.

Девушка глубоко вдохнула воздух московской окраины, на удивление не пропитавшийся еще столичными выхлопами и дымами, почти свежий, почти по-настоящему весенний, и нежно глянула на своего спутника. Она впервые за несколько недель видела его без халата, и он показался ей необыкновенно красивым. Высокий, худощавый, с темными выющимися волосами, в которых уже пробивались редкие серебряные нити первой седины. Тонкое, смуглое лицо с большими и ласковыми глазами – настолько черными, что радужка почти сливалась со зрачком. Но главным у него был, конечно, голос – бархатный, завораживающий голос, который хотелось слушать и слушать до бесконечности, даже не вникая в смысл произносимых слов!

– Машину я оставил за воротами, пойдем, – сказал он мягко и слегка коснулся Майиных золотистых волос, небрежно рассыпанных по плечам.

– Ты... Ты ведь не отвезешь меня к... ним?..

Слова «отец и мачеха» у Майи по-прежнему не произносились, но дядя Юра ее понял.

– Нет, конечно, – улыбнулся он. – С чего ты взяла? Сейчас поедem ко мне, по дороге заглянем в бутик, купим тебе что-нибудь из одежды на первое время и рюкзачок... Ты ведь свой оставила у них?

Он не сказал «у отца», и за это она тоже была ему благодарна. Майя не хотела вспоминать ни о чем из того, что произошло, перед тем как в ее жизни возникла больница. Тем более теперь, когда впереди новая и самая главная встреча с мамой, с ее дорогой мамулечкой, ради которой она всегда, сколько себя помнила, готова была сделать все, что угодно... Все, что угодно! В детстве Майе даже подружки были не нужны, потому что она дружила с собственной мамой и гордилась тем, что такой мамы, как у нее, нет ни у кого из знакомых девчонок.

Мама часто говорила ей, что она, ее любимая и единственная доченька, родилась в рубашке – не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом, а это бывает ужасно редко! И Майя каждый раз просила ее описать, как это выглядело, и каждый раз слушала затаив дыхание.

– Представляешь, – мама смеялась беззаботно, как ребенок и как умела смеяться только одна она на всем свете, – на тебе было что-то вроде прозрачного хитончика с дырочкой для головки! Медсестра – ну акушерка, которая тебя принимала, – показала мне и охала да ахала: мол, один случай из ста! Девка у тебя, говорит, будет счастливая с полной гарантией!..

– Ну мамуль, ну скажи, что ты это придумала! – подначивала ее Майя. – Ну ведь так же не бывает? Откуда мог взяться этот самый хитончик?

– Как это – откуда? Как это – придумала?! – всякий раз всерьез и тоже совсем по-детски обижалась мама. – Очень даже мог! Ведь младенец в утробе в пузырьке с водичкой плавает... И чему вас только в школе на анатомии учат?!.. Ну а ты, когда рождалась, этот пузырек на себя и нацепила по дороге, вот и вышел хитончик. И родилась в рубашке, ясно?

– А почему считается, что от этого человек становится обязательно счастливым? – уже всерьез интересовалась Майя.

– Потому, что один случай из ста, – с гордостью отвечала мама. – И я тебе это тоже уже сто раз рассказывала!

На этом месте Майя не выдерживала и бросалась ей на шею:

– Мамусь, я тебя так люблю, больше всех на свете!

– Как, а папу?! Она всегда беспокоилась об отце, буквально во всех случаях жизни. Беспокоилась, все ли у него хорошо на работе, не случилось ли с ним что-то ужасное по дороге с работы домой, если он задерживался, беспокоилась о том, чтоб дома к его приходу все было, как он любит: горячий ужин к моменту возвращения, газета «Известия» слева от тарелки, она сама в красивом халате за столом напротив отца. Особенно мама беспокоилась и волновалась, когда он уезжал в свои частые и долгие командировки, из которых звонил редко и коротко: мама не успевала даже задать ему все свои накопившиеся вопросы и страшно переживала: а вдруг он там заболел и скрывает это от нее? А вдруг...

Майя мотнула головой, отгоняя эти совсем не нужные воспоминания об их далекой счастливой жизни, про которую она, дурочка, и не подозревала, что та жизнь действительно была счастливая... Ничего, и теперь, причем очень скоро, все будет хорошо. Обязательно будет!

Девушка снова не заметила, как они с дядей Юрой пересекли огромный и по-прежнему пустой двор, открытый всем ветрам, миновали будку с хмурым бритоголовым охранником и оказались на удивительно грязной улице, совсем не по-московски узкой, с длинными глинистыми лужами и какими-то серыми бетонными то ли складами, то ли гаражами по сторонам. Дяди-Юрина машина, к счастью, стояла у самых ворот: красивая темно-зеленая иномарка, смотревшаяся на здешнем фоне диковато. Сам он сел за руль, а Майе открыл заднюю дверцу, подождав, пока она усядется, улыбнулся ей в зеркальце заднего вида и, повернув ключ зажигания, уверенно тронул машину с места.

Майя улыбнулась тоже. В салоне было тепло, приятно пахло немного кожей и чуть сильнее каким-то хорошим одеколоном. Девушка откинулась на мягкую спинку сиденья и прикрыла глаза: ей сделалось так спокойно, так легко на душе, как не было уже давным-давно, – возможно, целую вечность. Дядя Юра, несмотря на лужи и колдобины, вел машину мягко

и спокойно, как делал вообще все. Майя доверяла ему абсолютно: не только потому, что с момента, когда она увидела дядю Юру впервые, он не обманул ее ни разу. Главным было, конечно, не это, а то, что слушаться его во всем ей строго-настрого наказала мама. Именно мама объяснила ей: от того, насколько хорошо Майя будет делать все, о чем попросит дядя Юра, зависит их с дочерью будущая счастливая судьба, и не только их! Та самая Судьба, знаком которой был «хитончик». Рубашка, в которой Майя родилась... Шестнадцать лет прошло с тех пор, наступило время и Судьбе сдержать свое обещание, как сказала мама сегодня во время их встречи.

Дядя Юра словно услышал, о чем думает девушка.

– А ты заметила, как хорошо выглядит твоя любимая мамочка? – ласково спросил дядя Юра.

– Да, она была такая радостная... – улыбнулась Майя, – она сказала, что ждет меня, что мы с ней скоро будем вместе.

– Теперь уже совсем скоро, – негромко и задумчиво произнес он. И, увидев через зеркальце, что она сонно прикрыла глаза, кивнул Майе успокаивающе: – И больше вы с мамой уже не расстанетесь никогда, даю тебе слово!..

ГОССОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

1

Старший помощник Генерального прокурора России, следователь по особо важным делам Александр Борисович Турецкий с отчаянием уставился на шипящую, плюющуюся горячим жиром сковородку: проклятые котлеты опять подгорели! И опять с одной стороны, намертво прилепившейся ко дну сковороды. Зато сверху все пять котлет выглядели девственно-розовыми, словно их и вовсе не успели поставить на огонь... Почему?!

Дистанцировавшись от раскаленного, продолжавшего плевать жиром чудовища на расстояние вытянутой руки, он, на всякий случай зажмурившись (а вдруг все-таки доплунет до, не приведи бог, физиономии?!), на ощупь попытался отодрать плоской лопаточкой хотя бы одну из котлет и перевернуть ее. И в этот момент за его спиной послышался звонкий, веселый смех. Смех единственного на свете существа, которому было позволено даже в столь ужасных ситуациях незатейливо похихикать над «важняком», за всю свою немалую следовательскую практику не завалившим практически ни одного дела... На пороге кухни веселился не кто иной, как его собственная любимая жена – Ирина Генриховна Турецкая.

– Шурик, – нимало не смущаясь, Ирина с некоторым усилием сдвинулась с места и, придерживая руками живот, ставший за последнюю неделю еще больше, медленно опустилась на стул. – Шурик-Шурик... Ну сколько раз тебе объяснять, что котлеты жарят на маленьком, в крайнем случае среднем огне?... Ну хоть сейчас его убавь!

– Как я его убавлю, если брызгается, да еще все время в глаза норовит, собака?!

Александр Борисович повернулся к жене и с невольным сочувствием посмотрел на нее, уже в который раз подумав – как хорошо, что их дочь Нина не видит сейчас свою маму. И какой он все же молодец, что хоть и с трудом, но уговорил Ирину отправить девочку учиться в Англию... Беременность жена переносила плохо, а в последние три месяца врачи и вовсе пугали их обоих возможностью преждевременных родов. По-хорошему Ирине Генриховне в данный момент следовало бы находиться в больнице – на сохранении. И уж во всяком случае, коли она заупрямилась и пожелала остаться дома, а ее муж по этой причине вынужден был взять внеочередной отпуск, лежать спокойненько в кровати в ожидании ужина, а не шастать, держась за живот, по всей квартире!

– Ну давай я сама, – все еще улыбаясь, предложила Ирина, сделав попытку подняться.

– Та-ак! – Александр Борисович, моментально забыв про свои опасения, резко убавил огонь, одновременно накрыв сковородку крышкой, и вновь повернулся к жене: – Сама, значит?! Сама ты, дорогая, обязана в настоящий момент находиться в противоположной от кухни стороне, смирненько лежать параллельно полу, по возможности не делая резких движений! А ну-ка пошли!

И, не обращая внимания на ее слабые попытки протеста, подойдя к ней, осторожно помог Ирине подняться и мягко, но решительно повлек прочь из кухни.

– Но, Шурик... Хорошо-хорошо, только я сама уйду, а то у тебя все окончательно сгорит! Честное слово, лягу и до самого утра больше не встану!

– Верю тебе на слово в последний раз, – сурово произнес Турецкий и, дождавшись, когда тяжелые шаги Ирины Генриховны затихнут в глубине квартиры, проделал целый ряд сложнейших манипуляций, как то: выключил под сковородкой газ, дождался, пока она перестанет шипеть, вооружившись прихваткой, отодрал наконец слившиеся с металлом котлеты и, перевернув их, снова включил огонь – на сей раз совсем небольшой. – Вот так-то! – с чув-

ством законной гордости за свою сообразительность произнес Александр Борисович и, ворovато оглянувшись на дверь, подошел к телефонному аппарату, стоявшему на холодильнике. Прежде чем набрать номер своего шефа и старого друга Константина Дмитриевича Меркулова, он на всякий случай прислушался: в квартире царила тишина. Значит, Ирина действительно улеглась и, скорее всего, как это часто бывало с ней в последнее время, задремала.

– Костя? Это я, Турецкий... Ну что, ребята поехали?.. Еще час назад?.. Конечно, волнуясь... Конечно, приеду... Слушай, ты извини, но у меня к тебе вопрос – личный: чтобы спагетти приготовить, томаты надо прямо в воду, к макаронам кидать?.. Понял.

Послушав некоторое время шефа, Александр Борисович нахмурился:

– Что значит – мне бы твои заботы?! Ты хоть отдаешь себе отчет, сколько времени я потратил на то, чтобы вычислить этого проклятого отморозка?! А чеченская командировка, в которую ты спровадил меня перед отпуском, а на самом деле в обмен на отпуск?.. То-то! И я не злюсь... Нет, Ирка не очень хорошо, извини, но даже говорить об этом не хочется, тем более что и отпуск, если ты не забыл, кончается через два дня... Все, жду твоего звонка... Что, и Славка поехал? Вот черт... Зачем? С его-то пузом... Ладно, тем более жду звонка... Пока!

Александр Борисович некоторое время хмуро смотрел на телефонный аппарат, мысленно перебирая то, что услышал от Меркулова: все это касалось его самым непосредственным образом. И его, и еще одного из с Костей старого друга Вячеслава Ивановича Грязнова-старшего, заместителя директора Первого департамента МВД России. Генерала Грязнова называли «старшим» исключительно по той причине, что и «младший» Грязнов также имелся. Хотя, если вдуматься, не такой уж он, Славин племянник, Денис Андреевич Грязнов, и «младшенький»... У бывшего дипломированного врача, а ныне главы известного в столице ЧОПа «Глория» за плечами и Афган, и Чечня...

Что же касается дела, которое в данный момент, вопреки только что высказанным претензиям Меркулова, заботило Турецкого ничуть не меньше, чем временно поглотившая «важняка» личная жизнь, речь шла об их совместной с Грязновым-старшим кропотливой, более чем полугодовой работе, в результате которой, если не произойдет ничего экстраординарного, будет пойман один из самых опасных в России преступников, Павел Садовничий по кличке Цезарь. И случиться это должно буквально с минуты на минуту...

Александр Борисович бросил тоскливый взгляд на настенные часы в форме яблока, висевшие над холодильником, и, вздохнув, взял с полки кастрюлю, наполнил водой из-под крана, поставил на плиту, на сей раз предусмотрительно включив конфорку не на всю мощность. Сковороду с котлетами он выключил, решив, что они готовы, но не рискнув попробовать. Таким образом посреди хлопот об ужине у него образовалась наконец пауза, и конечно же в одно мгновение все мысли Александра Борисовича сосредоточились вовсе не на их с Ириной мирной, уютной кухне, а на одной из дальних московских окраин, где сейчас, увы, в его отсутствие, разворачивалась финальная часть (как же он надеялся, что именно финальная!) дела Цезаря.

Турецкий знал, что в ней самое активное участие должны принять и сотрудники «Глории», и Денис Грязнов лично.

...Валек Петюнин, долговязый семнадцатилетний парень, измученный подростковыми угрями, украшавшими большую часть его почти всегда унылой физиономии, не без оснований считал себя на редкость невезучим человеком. Среди всех доставщиков пиццы, работающих на их фирме, он из месяца в месяц зарабатывал меньше всех. Почему-то именно ему, единственному, в девяти случаях из десяти попадались заказчики-жмоты, которым и в голову не приходило дать хотя бы грошовые чаевые за вовремя доставленную, по-настоящему горячую пищу. Мало того, с Вальком постоянно что-нибудь случалось. Например, на прошлой неделе его старенький мотороллер попал передним колесом в неведомо кем открытый канализационный люк, которого Валек не заметил. Результат оказался самым что ни на есть убийственным:

сам он, вылетев из седла, приземлился на асфальт, ободрав все, что можно было ободрать. Но хуже всего было даже не это, а то, что случилось с пиццей, которую он только-только начал развозить, – испорчены были, на радость районным бездомным псам, все восемь штук... За вычетом их стоимости от его и без того жалкой зарплаты оставались сушие гроши.

Еще об одном случае, месячной давности, когда на Петюнина напали какие-то отмороженные подростки и ограбили подчистую – он как раз в кои-то веки возвращался на фирму с приличными чаевыми, – и вспоминать не хотелось... Тем не менее именно об этом Валек и вспоминал, поворачивая руль в сторону арки, ведущей во двор. Потому что данная доставка, с его точки зрения, тоже являлась невезением. Заказ был сделан в тот момент, когда его сегодняшняя смена уже закончилась. Валек, мысленно подсчитывая дневные доходы, как раз пытался сообразить, может ли он завернуть в пивбар неподалеку от их пиццерии, в котором цены были более-менее божеские, когда выяснилось, что его сменщик опаздывает. Разумеется, шеф немедленно приказал Петюнину влезть обратно в только что снятую форму и отправляться по звонку почти на край их района. Слава богу, хоть милостиво позволил воспользоваться фирменной «Окой», на которой, как правило, разъезжали более удачливые сотрудники пиццерии, куда он с большим трудом втащил свои длинные ноги.

– Надо менять работу, – сам себе посоветовал Петюнин, въезжая в темный, как старинная чернильница, двор, образованный четырьмя сталинками, которые, насколько Валек знал, еще с тридцатых годов и по сей день были наспигованы коммуналками... И кто ж это, интересно знать, тут такой богатенький объявился, чтобы пиццу на дом заказывать? Райончик-то паршивенький, столь отдаленный от метро, что никто на эти вороньи слободки из людей состоятельных до сих пор не зарился.

Получить ответ на сей вопрос невезучему Вальку было не суждено.

То, что дело, кажется, опять пахнет керосином, Петюнин понял, едва достиг с коробкой пиццы в руках нужного подъезда. Лампочка над ним, разумеется, не горела, и поэтому он едва не споткнулся о мужика, который, оказывается, сидел на корточках прямо перед входом.

– А-а-э-э-э... – ничего более внятного из-за неожиданности произнести Валек не сумел, но, кажется, мужику этого и не требовалось:

– Зажигалка есть? – отчего-то шепотом поинтересовался он, одновременно выпрямляясь и, как показалось Петюнину, вырастая при этом чуть ли не до козырька подъезда.

– Р-руки з-заняты... – ничего более умного произнести он не смог, поскольку холодок страха немедленно образовался где-то в районе пяток и медленно, но неуклонно пополз вверх. И не напрасно. – Щас я тебе помогу, – прошипел мужик, лица которого Валек не мог разглядеть. И добавил нечто и вовсе несусветное: – Раздевайся!..

– А?... – ошалело пролепетал Петюнин, решивший, что все его прежние неприятности по сравнению с происходящим в данный момент не что иное, как детские шалости. И от ужаса не сразу понял, что именно сует ему страшный незнакомец под нос, при этом щелкнув своей собственной, оказывается, имеющейся у него зажигалкой.

– Форму, говорю, снимай, и как можно быстрее, – едва не фыркнул Денис Грязнов, понявший, что слегка перегнул палку. – А ты что подумал?

И, собственноручно стянув с головы онемевшего Валька, тупо глядевшего на его удостоверение, бейсболку, ловко напялил ее на собственную голову.

– Поторопись, парень, – тронул он за плечо Петюнина. – Снимай эту свою штукину и пиццу давай сюда... Ну наконец-то ожил!.. А теперь быстренько дуй в свою машину и делай отсюда ноги, минут через пять здесь состоится профессиональная вечеринка для весьма специфического круга приглашенных...

Упрашивать Валька, чтобы он как можно быстрее убрался из страшного двора, в котором из тьмы возникают подобные личности с красненькими корочками, Денису не пришлось. В сторону фирменной «Оки» с надписью «Доставка пиццы» Петюнин именно что «дунул» и спу-

стя минуту, заведя машину с полоборота, уже мчал на недозволенной скорости по, слава богу, пустой ночной улице, залитой равнодушным белесым светом фонарей.— Завтра же... Сегодня же... Прямо сейчас же уволюсь! – истерично бормотал Валек и лишь чудом успел свернуть на обочину и вдарить по тормозам, избежав столкновения с неведомо откуда вылетевшим на его полосу мотоциклистом.

Жалобно взвизгнувшая покрывками «Ока» ткнулась бампером в высокий бордюр и заглохла. Психованный мотоциклист как ни в чем не бывало промчался мимо. Согнувшись в тесной кабине, Валек Петюнин уткнул голову в руль и разрыдался.

...Между тем в покинутом доставщиком пиццы дворе события тоже не стояли на месте. Вячеслав Иванович Грязнов, сидевший в черном джипе напротив подъезда, в который так и не попал Валек, и давно уже успевший адаптироваться к царившей здесь темноте, отлично видел, как Денис, натянув куртку Валька, бесшумно приоткрыл тяжелую входную дверь и скользнул вовнутрь. В то же мгновение Вячеслав Иванович склонился над рацией:

– Внимание всем: ужин привезли, минутная готовность.

Генералу Грязнову показалось, что его собственное сердце бухает в груди куда громче, чем приглушенный голос, которым он произнес слова, означавшие начало операции... Возраст? Или все дело в том, что там, внутри заплеванного подъезда, пропитанного неистребимым запахом кошачьей мочи, находится сейчас кровно близкий, возможно, самый близкий на свете человек?... Но неприятное ощущение и секундная мысль мелькнули и пропали, все внимание Вячеслава Ивановича сосредоточилось на ярко освещенных окнах третьего этажа, закрытых легкими желтыми шторами. Вот сейчас Денис уже должен достичь нужной двери... Сейчас его рука поднимается и касается кнопки звонка... Есть! По одному из окон скользнула мужская тень...

Чувство времени Грязнова-старшего не подвело: Денис действительно в обозначенное им мгновение позвонил в дверь квартиры, в которой, как с уверенностью утверждал Александр Борисович Турецкий, и залег на дно Пашка Цезарь со товарищи – жаль только, что количество последних точно известно не было.

Тишина за дверью показалась Денису несколько затянувшейся, и он нажал на звонок во второй раз: на чувство, что в мутный дверной глазок кто-то смотрит на него тяжелым, злым взглядом, он решил не обращать внимания. Для поставщика пиццы, работающего в ночное время, это явление вполне нормальное...

– Кто? – Голос, наконец-то раздавшийся из-за двери, был низким и хриплым – таким он становится только у много пьющих и курящих мужиков...

– Пиццу заказывали? – Грязнов-младший постарался произнести традиционную фразу доставщиков с недовольными интонациями порядком уставшего за день работяги, которому этот наверняка последний за смену заказ поперек глотки.

– Чего долго-то так? – рявкнули из-за двери.

– Ничего себе «долго»! – Денис вошел в роль. – Скажи спасибо, что горячая еще... Раньше заказывать надо было, раньше бы и получил... Давайте по-быстрому, платите бабки и забирайте, и так намотался за день как савраска!..– Щас я тебе, фраерок, заплачу! – пообещали из-за двери, и чуткое ухо владельца «Глории» отчетливо различило помимо звука поворачивающегося в дверном замке ключа приглушенный посторонний шелчок: звук, который ни с чем не спутаешь, – так щелкает курок пистолета, когда его взводят... Что ж, именно этого они и ждали. И именно потому, что ждали, воспользоваться пистолетом открывшему в конце концов дверь любителю пиццы не удалось: омовцы влетели в прихожую и скрутили Пашку Цезаря раньше, чем тот успел нажать на курок.

Все дальнейшее происходило уже почти автоматически, словно по раз и навсегда написанному кем-то сценарию, включавшему в себя и вопли мужских глоток, и грохот падающей

где-то в глубине квартиры мебели, и неизбежную пальбу, и яростный матерок захваченных врасплох бандитов и бравшего их ОМОНа...

...Если бы спустя полчаса Валек Петюнин надумал вдруг вернуться в страшный двор, он его наверняка бы не узнал: теперь все пространство между домами было освещено, словно по волшебству, вспыхнувшими фонарями и буквально забито сразу несколькими микроавтобусами с зарешеченными окнами и милицейскими машинами. И как раз к ближайшему от нехорошего подъезда микроавтобусу здоровенные ребята в пятнистой форме и масках, решительно не церемонясь, волокли вслед за уже водворенным туда Цезарем его пятерых дружков. Помогая тем, кто, с их точки зрения, не спешил должным образом, увесистыми пинками...Валек, однако, всего этого не видел, поскольку находился в описанный момент далеко от места действия. Зато всю картину с удовольствием от начала и до конца пронаблюдали оба Грязновых – старший и младший – через лобовое стекло джипа.

– Ну что, дядь Слав, всех взяли? – поинтересовался Денис, находившийся здесь уже минут двадцать, поскольку его функции и соответственно участие в операции были исчерпаны.

– А то! – удовлетворенно отозвался генерал. – Ты как думал? Полтора года работы – и зазя, что ли?.. Все пауки в банке.

– Думаешь, перегрызутся?

– Зачем – перегрызутся? – усмехнулся Вячеслав Иванович. – Будут все на Цезаря валить – и вся недолга... Как раз к суду и успеют все вывалить!

– Сан Борисыч на суде наверняка будет... – задумчиво произнес Денис. – Или у него нынешний отпуск бессрочный?..

– Зря ты так, – укоризненно посмотрел Грязнов-старший на племянника. – Знаешь ведь, ситуация у него особая, с Иринкой не все в порядке... И вообще, дети – это святое, а значит, и отцовство тоже! Вот когда будут свои – поймешь...

– Это вряд ли, – вздохнул Денис. – И вообще, не понимаю, чего ты завелся. Я же так сказал, не в обиду. Просто прослышал, что дядя Саня в отпуске...

– Ага! На твоей памяти, пожалуй, второй с половиной раз он в отпуске-то... Слушай, ты меня своими разговорами от дела отвлек: я ж Косте Меркулову обещал сразу отзвонить!.. Но набрать номер Константина Дмитриевича Грязнов-старший не успел, поскольку его мобильный разразился трелью по собственной инициативе. И, глянув на высветившийся на экране номер, Вячеслав Иванович усмехнулся:

– Легко на помине... – и добавил, прежде чем включить связь, в адрес Дениса: – А ты говоришь, отпуск у него бессрочный!.. Привет, Сань! Как раз собирался тебе звонить... Взяли всех как миленьких, одним заходом... Нет, никаких потерь, представь себе... Пятеро, не считая Цезаря!.. Все, Сань, пока, мне еще Меркулову докладывать!

По ту сторону связи Александр Борисович тоже нажал кнопку отбоя и с облегчением откинулся на спинку стула, после чего, удовлетворенно улыбнувшись, погрузился в размышления, напрочь забыв о кастрюле с водой, которую водрузил на плиту. В этот момент он вдруг понял, что, несмотря на Иришку, ради которой взялся за все эти оказавшиеся невыносимо трудными хозяйственные дела, несмотря на то как ужасно боится за исход ее поздней беременности – боится и за нее, и за малыша, – в общем, несмотря ни на что, он смертельно соскучился по своему кабинету. По вечной суете, царящей в прокуратуре, бесчисленным втыкам начальства, которому постоянно кажется, что работают их подчиненные непозволительно медленно, что результат при этом куда ниже начальственных ожиданий, что... Словом, соскучился! Да и вести домашнее хозяйство оказалось куда труднее, чем он предполагал: просто поразительно, каким это образом женщины, да еще работающие, успевают при этом кормить и обстирывать свои семьи...

– Шурик!.. – К реальности его вернул голос Ирины Генриховны, вновь возникшей на пороге. – Ты что, оглох?.. Господи, какое счастье, что я так чутко сплю! Еще бы минута – и вода залила газ, а мы... Мы вообще могли взорваться!..

Только тут до сознания Александра Борисовича дошел странный шипящий и фыркающий звук, идущий со стороны плиты: вода в кастрюльке, устав тихо закипать, вскипела по-настоящему и полилась через край. Ахнув, Турецкий подскочил на стуле и поспешно выключил газ.

– Ох, Шурик, – жалобно произнесла Ирина, глядя на растерянного мужа, – теперь я вижу, что была неправа, сбежав из больницы... Я свою ошибку признаю и непременно исправлю...

2

В семь утра, когда Александр Борисович с Ириной выходили из подъезда своего дома, дабы отправиться в больницу, день вроде бы обещал разгуляться. Хотя по небу и плыли клочковатые серо-белые тучи, солнце, словно не обращая на них никакого внимания, поминутно прорывалось к земле веселыми, яркими лучами. Но теперь, когда он возвратился в тихую, опустевшую и сразу ставшую неуютной квартиру, за окнами мрачно громоздились плотные облака грозного сизого оттенка. Словно нарочно, чтобы опустить настроение Турецкого, и без того препаршивое, еще ниже нулевой отметки.

Бессмысленно побродив по пустым комнатам и заглянув на кухню, он с отвращением посмотрел на отмокавшую со вчерашнего вечера сковородку, торчавшую из раковины, и, ни минуты более не колеблясь, направился в прихожую. Черт с ним, с отпуском! Уж коли Иринка не позволила мужу посидеть с ней в палате подольше, мотивируя тем, что в ближайшие два часа она будет находиться под капельницей, остается одно: поехать в родную контору. Приняв такое решение, Александр Борисович сразу повеселел, а едва очутился за рулем своего «Пежо», как и природа, напрочь позабывшая, что на дворе конец мая, а вовсе не начало ноября, спохватилась: солнечные лучи разорвали пелену облаков, приветствуя его намерение.

А первым человеком, встреченным Турецким в коридоре на пути к своему кабинету, оказался не кто иной, как Вячеслав Иванович Грязнов, только что покинувший кабинет Меркулова.

– Ты ли это, Саня? – Хмурая до этого физиономия Грязнова-старшего расцвела искренней улыбкой, заранее протягивая другу руку, он ускорил шаг. В кабинет они вошли вместе, и, пока Александр Борисович открывал с помощью специальной палки с крючком форточку, генерал успел разместить свое грузное тело в любимом кресле у журнального столика.

– Как Иринка? – поинтересовался он. – Одну оставил?– Да нет, Слав... Иринка неважно себя почувствовала, утром отвез ее обратно в роддом, на сохранение... Давай об этом не будем! Расскажи-ка лучше про Цезаря...

Вячеслав Иванович, бросив на Турецкого сочувствующий взгляд, слегка пожал плечами:

– Да тут и рассказывать-то особо нечего... Я, кстати, сегодня как раз хотел к тебе заехать, а тут – на ловца и зверь бежит...

– Что-то случилось? – Александр Борисович внимательно посмотрел на генерала и вынес вердикт: – Ты, я вижу, чем-то расстроен. Давай колись!

– А-а-а... Это я так, к нашим делам особого отношения не имеет...

– А все-таки?

– Ох, Сань... – Грязнов тяжело вздохнул. – По всему видно – пора мне на покой...

– Да что случилось-то?! – Турецкий присел напротив друга и встревоженно уставился ему в глаза.

– Как сказал Денис, ничего особенного... Это, видишь ли, нынешний мир такой, а вместе с ним и его обитатели, чтоб их... Словом, возвращаемся мы вчера, уже под утро, с Дениской домой, ну и мимо ДПС на Дмитровке... Должен тебе сказать, картинка жуткая: мужик, как сказал мне гаишник, не менее чем на двухсот в час вмазался на своей иномарке в бетонную опору... Мост там есть, как раз недалеко от их поста...

Грязнов-старший вздохнул, а Турецкий продолжал молча слушать, понимая, что вряд ли бы генерал так расстроился из-за одного только ДПС, хотя бы и столь жуткого: впечатлительные люди в милиции до таких погон, как у него, не дослуживаются – уходят значительно раньше...

– Вообрази картину: машина, значит, разлетается на три части, все отброшены друг от друга не менее чем метров на двадцать: счастье, что рань такая была и никто не пострадал... Прохожие-то первые чуть позже появились... Ну о самом водиле молчу: его и вовсе метров на пятьдесят вперед башкой вышвырнуло – всмятку, конечно...

– Слав, – не выдержал наконец Александр Борисович, – скажи наконец, какого лешего ты мне всю эту жуть описываешь?! Впечатлением, что ли, захотел поделиться?

– Ага... Только не от аварии, а от этих самых, туды-растуды их мать, прохожих...

– Зевак?

– Если бы, Сань!.. Это бы я еще понял... Так ведь ты представь: машина в ключья, мужик этот, ее хозяин, уже, разумеется, бывший... А гады, углядевшие всю картинку из окон ближних домов, кто в чем высыпали и прямо на глазах у инспекторов в обломках машины начали копаться, тягать целые запчасти... Сань, на каком свете мы с тобой живем-то, а?!

Они помолчали. Что ответить другу, Александр Борисович не знал.

– Не понимаю я этого, – тоскливо протянул Вячеслав Иванович. – Ни с какой стороны, в том числе и со стороны житейской логики – не понимаю таких, с позволения сказать, людей... Рядом труп хозяина, а они, понимаешь, не дождавшись, когда он хотя бы остынет, мародерствуют... Ну что, по сто пятьдесят восьмой их привлекать, что ли, за шкуру – и в КПЗ?.. В лучшем случае парочку месяцев отдохнут, штраф заплатят... Да какими туда попали – такими и выйдут! Не по-ни-ма-ю... А коли не понимаю, следовательно, пора мне, человеку прошлого века, на покой!

– Ну это ты уж палку-то не перегибай! – заговорил Турецкий. – Во-первых, таких козлов я тоже не понимаю. Во-вторых, не все же, в конце концов, такие... Дерьмо, как известно, на поверхности плавает. А в самом мрачном случае, если б даже большинство вокруг нас действительно являлись мародерами, – тем более, Слав, в отставку нам нельзя: кто-то же должен им мозги прочищать?

– Тоже мне луч света в темном царстве, – усмехнулся генерал. – Впрочем, ты-то, может, и впрямь... Слухи в последнее время разные ходят...

– Какие еще слухи? – насторожился Турецкий.

Вячеслав Иванович пристально поглядел на своего друга и, немного поколебавшись, ответил:

– Думал, ты знаешь... Говорят, вашего генерального того... Со дня на день в отставку отправят...

Брови Александра Борисовича красноречиво округлились.

– Засиделся ты, я вижу, в отпуске-то, Сань, – покачал головой Грязнов-старший. – Даже Дениска мой и то в курсе!

– А подробнее можешь? – прищурился Турецкий.

– А подробнее – говорят, кое-кто уверен, что на его место отнюдь не Меркулов сядет, а как раз ты... Что скажешь? Александр Борисович не сказал ничего, вместо этого искренне рассмеявшись.

– Ну таких легенд я про себя, честно тебе признаюсь, еще не слышал, – констатировал он, ласково глядя на генерала. – Ты сам-то соображаешь?.. Мне, как госсоветнику юстиции, хотя бы следующий класс присвоили, – не то что в эдакое кресло... И вообще, я, Славка, практик, а не чиновник, меня и на нынешней должности бумажки достали! Мог бы и сам догадаться, что слухи – они слухи и есть...

– А еще говорят, – невозмутимо продолжил Грязнов-старший, – что ежели в кресло, тобой упомянутое, сядешь не ты, а, допустим, отлично проявивший себя глава какого-нибудь федерального округа... то на этот самый округ назначать будут как раз тебя, Сань!.. Скажи-ка мне, к примеру, сколько раз ты за последние полгода в командировках чеченских побывал?..

– Ну знаешь... – посерьезнел Александр Борисович. – А еще друг называется! Хорошенького же ты мне продвижения по службе желаешь!

– Во-первых, не по службе, а по карьерной лестнице, – поправил его Вячеслав Иванович. – Во-вторых, кто это тебе сказал, что желаю? Одни разборки между их президентом и новым премьер-министром разрешать – такого и врагу не пожелаешь, не то что другу... Кстати, как тебе этот недавний указ насчет многоженства?..

– А тебе как? – фыркнул Турецкий. – Впрочем, можешь не отвечать: без тебя знаю, что нравится! Так же как и мне – хотя уверен, Ирка нас не поймет! Проводив Вячеслава Ивановича, Турецкий решил все-таки навеститься к своему шефу Меркулову: по-хорошему, показаться ему и доложить следовало сразу, но так уж вышло... Костя, надо думать, поймет. Тем более что поимка Цезаря, за которым органы охотились не один год, – гирька, причем увесистая, и на его чашу весов. А он, Турецкий, вложил в завершившуюся столь удачно операцию немало своего труда.

Однако и на этот раз добраться до кабинета шефа ему не удалось: дверь распахнулась – и на пороге появился следователь Померанцев. Глаза, как всегда, горят, волосы слегка растрепаны.

– А я думал врут... Здравс-с-те, Сан Борисыч!

– Кто врёт? – усмехнулся Турецкий и попытался нахмуриться, но у него не получилось. На самом деле, несмотря на то что Валерий не всегда соблюдал субординацию (исключительно в силу своего неумного темперамента) и вообще назвать его дисциплинированным было затруднительно, Александр Борисович Померанцева любил и считал едва ли не лучшим сотрудником Следственного управления Генпрокуратуры.

– Да все говорят, что вы якобы вышли на работу, а я не поверил... Здорово, что вы тут!

– Так уж и здорово? И с чего бы это?.. Насколько знаю, появлению начальства никто вообще особо не радуется.

– Сан Борисыч, – Валерий посерьезнел и, войдя в кабинет, прошел к столу и, не дожидаясь особого приглашения, сел на стул для посетителей. – У меня проблема... Кроме вас, никто не решит! – Учти, до завтрашнего дня включительно я еще считаюсь в отпуске!

– Это ничего... Ехать в командировку я все равно не могу! У меня... – неожиданно Валерий порозовел, чем привел Турецкого в немалое изумление. До сих пор он считал, что всерьез смутить Померанцева не в силах никто и ничто. – В общем, я того... Заявление подаю!..

– Ты что, – опешил Александр Борисович, – хочешь уходить?..

– Да нет же! – Померанцев страдальчески закатил глаза к потолку, и тут до Турецкого что-то начало доходить. Неужели?..

– Это другое заявление, – подтверждая его догадку, окончательно покраснел Померанцев. – В этот... как его...

– В ЗАГС, – подсказал ему Турецкий и с трудом сдержал смешок. До недавнего времени Валерий был одним из самых ярых пропагандистов холостяцкого образа жизни... впрочем, как и он сам в свое время, пока в один прекрасный день не встретил Иришку... – Ну поздравляю! –

пряча улыбку, произнес Александр Борисович. – Что ж, причина уважительная... И как же ее звать, эту самую причину?

– Зоя... – мечтательно произнес Валерий и искренне добавил: – Замечательное имя, правда?..

– А то!.. Ну а что за командировка?

– Да в том-то и суть, что дело не только в заявлении, но и в ней тоже! – моментально совсем другим, деловым тоном заговорил Померанцев. – Сам по себе городок ничего, я там бывал пару лет назад. А вот дельце, похоже, грязноватое, разбираться придется не одну неделю, а не просто, как сказано в предписании, «контролировать»!

– Стоп-стоп! – Это был как раз тот случай, когда темперамент Валерия Александровича Померанцева давал о себе знать не с лучшей стороны. – Успокойся и начинай сначала, а далее желательно по порядку.

– Есть, по порядку, – кивнул Валерий. – Да вы и сами наверняка по ящику уже слышали! Насчет мэра Коксанска... И скажите на милость, когда наконец мы прекратим работать, как в совковые времена, кампаниями?!

– Коксанск?.. Ты имеешь в виду арест Шахиджанова?

– Точно! Вы, вероятно, не в курсе, но оно со вчерашнего... Нет, с позавчерашнего дня у нас на контроле.

– Что значит «работать кампаниями»?

– Ну как же, – иронично фыркнул Померанцев. – Вы только посчитайте, скольких мэров и губернаторов в рамках борьбы с коррупцией за последние месяцы спровадили в КПЗ! Вот вам и кампания!..

– Валера, но ведь от того, что каждый третий из них действительно и полномочия превышает, и служебное положение использует, а частенько и на собственный карман трудится, но вовсе не на благо вверенных ему граждан, никуда не денешься!..

– А я что, с этим спорю?.. Только когда вычесывать начинают частым гребнем, под это дело могут ведь и невинные попасть, Сан Борисыч!.. И даже больше: кто-то кого-то может просто-напросто подставить, например из мстительных чувств!

– Хочешь сказать, что с Шахиджановым как раз такой случай?

– Не знаю, Сан Борисыч, но исключать бы этого не стал!

– Можно узнать – почему? Только если не с его слов: я, как ты выражаешься, «по ящику» слышал, что сам он выдвигает именно эту версию, кто-то там ему вроде бы мстит...

– Не кто-то, а их – коксанский – горпрокурор! – кивнул Валерий. – Я ж говорю, был я в этом городке два года назад. Ну чуть меньше. Тогда как раз дело затевалось вокруг этого господина, Лисанов его фамилия. Подозревался во взятках, если помните...

Александр Борисович нахмурился, припоминая, потом кивнул:

– Да, конечно. Но если не ошибаюсь, вернулся ты оттуда, мягко говоря, с носом. Доказать факт взяточничества не удалось, верно?

– И дело было закрыто «за недостаточностью», все правильно. Только, вот вам, Сан Борисыч, крест, этот Лисанов еще та сволота! И взятки наверняка берет, и уголовные дела за это прекращает и закрывает, и особнячок у него почти в центре города – нам и не снилось! А дело против него, между прочим, было затеяно как раз по инициативе Шахиджанова...

Турецкий немного помолчал, что-то обдумывая, потом покачал головой:

– Ну допустим. Только это, к сожалению, не исключает, что и у мэра в свою очередь рыльце тоже в пушку. А перегрызлись, просто-напросто не поделив какой-нибудь очередной жирный кусок.

– Ну а я о чем? Я как раз о том и говорю, что копаться там придется не одну неделю, а Константин Дмитриевич уперся рогом: ты, мол, там был, с людьми этими знаком, вот и поезжай! А у меня...

– А у тебя ЗАГС плюс Зоя!.. – подмигнул Померанцеву Александр Борисович. – Понял... Ладно, Валера, дуй отсюда: особо обещать не могу, но попытка не пытка, попробую уговорить Костю вместо тебя отправить... Кстати, как думаешь, кого?..

– Ну Сан Борисыч... – Померанцеву явно было неловко отвечать на провокационный вопрос.

– Ага, значит, хочешь остаться чистеньким перед коллегами, свалив все на меня? Мол, Турецкий вышел на работу и, используя свое влияние на зама генпрокурора, все перерешил, а я не я, и хата не моя! Ну и мудрец же ты! Ладно, минут через сорок придешь ко мне с текущими делами, а сейчас дуй отсюда, и в темпе: у меня начальство тоже есть, причем пока что и в глаза меня не видевшее.

– Есть, дуть, и в темпе! – Повеселевший Валерий вскочил со стула и прытко направился на выход, испытывая немалое облегчение. Он ни минуты не сомневался, что Александр Борисович отмажет его от командировки как нечего делать! В конце концов, должна же быть у Меркулова хоть какая-то благодарность к своему любимцу за столь удачное завершение дела Цезаря, о котором сегодня целый день гудят в их управлении? Действительно, радостная новость – настолько, что даже упорные перешептывания о грядущей отставке «самого» слегка поутихли... Спровадив Померанцева и посмотрев на часы, Александр Борисович решил, прежде чем идти к Косте, позвонить Ирине: тревога о жене, несмотря на то что он, можно сказать, с порога родной конторы окунулся в привычную суету и текучку, казалось, раз и навсегда поселилась у него где-то в области сердца, присосавшись к нему маленькой, злой пиявкой...

Ирина отозвалась сразу, после первого же гудка, словно так и не выпускала из своего кулачка телефон с того момента, как он оставил ее в палате на попечение симпатичной молоденькой медсестрички.

– Шурик! Скажи, только честно: ты на работе?..

– А ты сама скажи мне тоже честно: ты у нас ясновидящая? – Ему было немного неловко от того, что жена его так легко вычислила, и он тут же добавил: – Знаешь, дома без тебя как в погребе и даже хуже: куда ж мне еще податься?.. Сама же выгнала! Другая бы на твоём месте радовалась, что у нее муж – важная шишка! И отдельную палату выбил, и право посещения в любое удобное время...

Ирина Генриховна издала какой-то неопределенный звук, после чего заговорила более членораздельно:

– Ты и сам знаешь, как я отношусь к блату... Если хочешь знать, мужчин, даже таких шишек, как ты, в роддома на наши этажи не пускают никогда, ни за что и ни под каким видом... И мне перед остальными женщинами неудобно! Каждая хотела бы своего любимого и единственного тут видеть, а досталось только мне! Я что, звезда шоу-бизнеса или дочь президента, что ли?.. – Но-но-но! – полушутя-полусерьезно остановил ее Турецкий, который едва ли не впервые в жизни, помещая жену в этот конкретный, едва ли не лучший в Москве роддом, действительно использовал свое служебное положение: главврач, руководивший упомянутым учреждением, был обязан Александру Борисовичу не больше и не меньше как жизнью собственной супруги...

Около года назад эта весьма темпераментная дама, занимавшаяся собственным бизнесом, влипла в историю, связанную с убийством ее зарубежного партнера, да еще и в качестве основной подозреваемой... История в свою очередь попала в Генеральную прокуратуру, прямехонько на стол к Турецкому, которому пришлось вести расследование в компании с представителями ФСБ: партнер подозревался, помимо всего прочего, еще и в шпионаже... Словом, над супругой Семена Львовича Зоскина, известного в столице гинеколога, нависла целая гроздь нешуточных подозрений. И если бы не Александр Борисович Турецкий, еще неизвестно, чем бы все тогда кончилось.

– Лучше скажи, – спросил он, – как ты себя чувствуешь и что говорят доктора?

– Отлично я себя чувствую – это во-первых, и у меня сейчас Катя – это во-вторых!

– Та-а-ак, – обиженно протянул Турецкий, который и в лучшие-то времена ревновал жену к ее лучшей подруге. – Катя, значит... ну-ну! А бедный Шурик, выходит, лишний в этом женском царстве!

– Да ладно тебе, – смягчилась Ирина. – Я ж тебе еще в-третьих не сказала! Кроме того, вечером, после шестнадцати и до восемнадцати, ты вполне можешь приехать!

– И что там в-третьих?

– Шур, мне делали УЗИ после капельницы...

– И... что?

– Да не пугайся ты так, честное слово, смешной какой... Просто они теперь знают, кто у нас будет, мальчик или девочка!

– Чего ж ты молчала?! Кто у нас будет?..

– Не знаю... – И поскольку ее муж растерянно молчал, пояснила: – Я, Шурик, попросила их мне не говорить кто... И ты, если тебе скажут, тоже мне не говори, слышишь?

– Слышу... – пробормотал Турецкий. – А... а почему?

– Нипочему, – жалобно отозвалась Ирина Генриховна. – Просто не хочу знать – и все!

– Ладно, если узнаю, не скажу, – пообещал Александр Борисович. – Я к тебе приеду часов в пять, Ириша. Сейчас вот поговорю с Меркуловым – и сразу к тебе!

Он выключил связь и, поднявшись из-за стола, направился прочь из кабинета: наверняка Косте уже доложили, что он здесь, и тот, понятное дело, недоумевает, почему Турецкий сразу к нему не заглянул... На душе у Александра Борисовича отчего-то сделалось после разговора с женой тяжело, смутная тревога начала расплзаться как едкий дым от недогашенного костра... Почему Ирина не желает знать, какого пола у них малыш?.. Что это, один из капризов, которыми столь обильно страдают беременные, или интуитивное предчувствие чего-то... чего-то нехорошего?.. Дурак он, что послушался Ирку и оставил ее там на попечение медсестер и Кати!

Вот завтра как приедет туда спозаранку, так и будет сидеть с ней до следующего утра! В конце концов, у него еще целые сутки отпуска, имеет право!

Уже подходя к приемной Константина Дмитриевича Меркулова, Турецкий подумал о том, что завтра первое судебное заседание над шайкой Цезаря, подгадав к которому они и взяли наконец ее главу и подзадержавшихся вместе с ним на воле сотоварищей... Наверняка Меркулов потребует, чтобы и он, Турецкий, присутствовал на заседании... Ничего, обойдутся! Хватит с них и переданных лично Александром Борисовичем суду сорока томов дела по обвинению Цезаря и его бандитов.

Хочет того Костя или нет, но и он, Александр Борисович Турецкий, имеет полное право на законный отпуск, тем более с учетом семейных обстоятельств!..

Войдя в приемную шефа с самым решительным выражением лица, Александр Борисович на мгновение просиял улыбкой, здороваясь с его бессменной умницей секретаршей Клавой, и, вновь посерьезнев, взялся за ручку начальственной двери. Разумеется, с благосклонного Клавычкиного кивка-разрешения.

Он был уверен, что, если речь пойдет о Цезаре, сумеет настоять на своем и больше, что называется, мизинцем не прикоснется к этому делу... Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает!

3

– Честно тебе скажу, Саша, не ожидал я от тебя... Не ожидал! Вот так запросто взять да и похерить собственные немалые труды, продинамив первое же судебное заседание!..

Константин Дмитриевич Меркулов отбросил в сторону ручку, которой что-то писал в момент появления Турецкого, и, поднявшись, выбрался из-за своего стола.

Не ждавший столь активного нападения начальства, можно сказать, прямо с порога, Александр Борисович слегка растерялся.

– Слушай... – он нерешительно посмотрел на шефа, – а что за надобность такая, я бы сказал, не в меру острая?.. Все дела на этих отморожков, включая самого Цезаря, я передал – если помнишь, сорок томов... Да там на три пожизненных каждому хватит, не говоря о самом Пашке!..

– В общем, Саня, – Меркулов вздохнул и, подойдя к окну, оперся спиной о подоконник, серьезно глядя на друга, – на судебном заседании завтра тебе надо быть обязательно. Дело вел ты, и всех деталей лучше тебя никто не знает.

– Слушай, Костя, знаешь что! У меня жена в больнице, ее здоровье и здоровье ребенка, можно сказать, на волоске висит! А я, вместо того чтобы находиться рядом, на суде без особой надобности сидеть буду, да еще и в последний день очередного отпуска?.. Нет уж, дорогой, уволь!..

Они немного помолчали. Во время паузы Меркулов хмуро глядел себе под ноги, а высказавшийся Турецкий слегка успокоился. Заговорил Константин Дмитриевич, явно размышлявший о чем-то своем:

– Что, с Ириной совсем плохо?

– Да неважно, особенно по ночам... Я сегодня вообще намерен у нее в палате ночевать, мало ли что...

– А если сиделку оплатить?

– Рад бы в рай... Да у них там и так рабочих рук не хватает! Спасибо большое, что Семен Львович разрешил нам с Иркиной подругой по ночам возле нее дежурить. По большому благу, заметь! Ирка, конечно, сопротивляется, храбрится и все такое, но я сегодня все равно там останусь!.. Костя, ты не представляешь, как я за нее переживаю, просто не представляешь...

– Почему не представляю? – возразил ему Меркулов. – Еще как понимаю... и сочувствую... Но, Саня, я тебе кое о чем еще не сказал касательно Цезаря...

– Ну? – Турецкий хмуро глянул на шефа.

– В общем, дело в том, что этот поганец с первого момента, как его взяли, начал косить под дурака... Мне двадцать минут назад звонили из Бутырок: какая-то там независимая комиссия его уже успела осмотреть... Ему почти верят!.. А что это означает, ты и без меня в курсе: два года в Сербского – и гуляй, Цезарь, дальше... И все наши, по преимуществу твои, между прочим, труды псу под хвост... Вот и все.

Александр Борисович, по мере того как Меркулов говорил, медленно поднимался со своего места, неотрывно глядя на Константина Дмитриевича. – Стой... – произнес он негромко, едва тот умолк. И тут же почти выкрикнул: – Садовничий под дурака?.. Как?!

– Да так, легко, – хмуро буркнул Меркулов, не глядя на Турецкого. – Не забыл, что у него за спиной два курса театрального?.. Ну вот и косит – вполне удачно... Ни с кем не разговаривает, в том числе с собственным адвокатом, только поет...

– Что он делает?

– Поет...

– Что поет?!

– Песни, Саня, он поет, песни... Типа «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...»

Семен Львович Зоскин, главврач роддома, дожидаясь Турецкого, предупредившего его о своем появлении, в коридоре, на мягком диванчике напротив Ириной палаты. Рядом с ним сидела молоденькая медсестричка, красная от смущения, с задорно поблескивающими глазами: похоже, доктор был не из тех мужчин, которые зря теряют время. Однако едва Алек-

сандр Борисович показался в конце коридора, как сестричку словно ветром сдуло, а Зоскин, моментально посерьезнев, поднялся навстречу «важняку»:

– Присаживайтесь, Александр Борисович, все равно Ирина Генриховна сейчас спит!

– Она там одна? – встревоженно поинтересовался Турецкий.

– Одна, но в этом нет ничего страшного... Ее подружка только что ушла, минут пять назад... Сегодня мы сделали вашей очаровательной супруге полное обследование... Точнее, завершили начатое и затем прерванное ее побегом домой. Вот ждем результатов анализов... Вы как, хотите знать пол будущего малыша или тоже...

– Хочу! – живо отозвался Турецкий. – Кто?

– Девочка. – Доктор улыбнулся.

– Вот и хорошо, это мне как-то привычнее... А если без анализов, что-то вы можете сказать относительно ее состояния уже сейчас?

Семен Львович на секунду задумался, потом кивнул:

– Если вы имеете в виду рекомендацию, то да, Ирине Генриховне сейчас нельзя волноваться... Совсем! Вы и сами, вероятно, понимаете – возраст... Я вас не пугаю, боже упаси! Но ее состояние таково, что даже неожиданный резкий звук может вызвать выкидыш... И еще – я вам как мужчина мужчине советую: будьте сейчас с ней рядом. Я заметил: большая часть волнений вашей супруги связана непосредственно с вами... Понимаю, у вас работа такая, при которой жены за своих мужей спокойными не бывают никогда. Тем более советую вам побыть с ней. Поверьте, дело не в наших с вами отношениях: если бы речь шла о любой другой женщине, я бы тоже пошел на... э-э-э... нарушение правил внутреннего распорядка!

– Все, я пошел! – Александр Борисович вскочил с диванчика и шагнул в сторону палаты.

– Стоп-стоп! Не так резко, пожалуйста... Я же говорил: она сейчас спит, вот проснется – ради бога, хоть всю ночь сидите! – А как же я узнаю, что она проснулась? – растерялся Турецкий. – Я, знаете ли, сквозь стены видеть пока что не научился...

– А и не надо! У нас через пятнадцать минут обход, вот она и проснется, точнее, мы сами ее потихонечку разбудим... Поймите, сейчас для Ирины Генриховны важна каждая минута сна, буквально каждая!

Камера, в которую поместили Пашку Садовнического по кличке Цезарь, была одиночной. Обстановка, впрочем, мало отличалась от тех, в которых сидели его поделщики: шконка, параша в углу, крошечное оконце, забранное хорошо сваренной решеткой... Впрочем, окружающая действительность Цезаря, кажется, вовсе не интересовала: всю нынешнюю ночь он провел сидючи на шконке с самым блаженным видом, непрерывно распевая маршевые песенки, популярные году эдак в восемнадцатом – двадцатом прошлого столетия, коих, как выяснилось, сиделец знал великое множество.

С точки зрения молоденького дежурного охранника, время от времени посматривавшего, как и было велено, в камеру через смотровое окошко, выглядело это комично: здоровенный сорокалетний мужик, косая сажень в плечах, с красной от частых возлияний рожей, с радостной детской улыбкой на этой харе, сидит и упражняется в вокале густым, хриплым басом.

В общем, помимо того что в соседних камерах за всю ночь никто глаз не сомкнул из-за его «арий», ночь в целом прошла спокойно. Ничего плохого Цезарь не делал, никаких попыток произвести какие-либо подозрительные действия не предпринимал и выглядел вполне безмятежно, – похоже, и впрямь спятил мужик.

Тем не менее, когда охраннику сообщили по внутренней связи, что бронированная машина, на которой заключенному Садовническому предстояло отправиться на судебное заседание, прибыла, он почему-то испытал чувство облегчения и с нетерпением начал вглядываться в конец галереи в ожидании конвоиров. Кажется, конвой должен был быть усиленным... Так и есть, не менее семерых человек в соответствующей форме и в масках. Что ж, понять можно:

даже если Цезарь и впрямь спятил, бандитом он от этого быть не перестал! И, дождавшись, когда странного заключенного в наручниках вывели из камеры, охранник с облегчением запер дверь, даже не потрудившись поднять шконку, на которой провел ночь Цезарь.

Всю дорогу до суда конвойные, как и было им приказано, не спускали с Цезаря глаз, хотя ни малейшей попытки как-то на это прореагировать с его стороны не было. Даже на собравшуюся возле здания суда небольшую, но шумную толпу с плакатами, требовавшими для убийцы самого сурового наказания, он не обратил ни малейшего внимания: безмятежная улыбка, с которой Садовничий покинул камеру, так и не сошла с его физиономии.

– Дурка по тебе точно плачет, – буркнул один из конвоиров, заталкивая Цезаря в камеру для особо опасных подсудимых. Этот явно свихнувшийся бандит был ему крайне неприятен, и он, дважды проверив замок, затем заглянув в специальный глазок и убедившись, что Пашка Цезарь и тут, расположившись на шконке, завел какую-то песню, с облегчением покинул конвойную. Тем более что старший офицер их группы уже входил в комнату со своим собственным ключом: дальнейшее конвоира, слава богу, не касалось. Судебное заседание, видимо, должно было начаться с минуты на минуту. Старшего офицера конвоя сопровождал его коллега-новичок, совсем молоденький сержант.

– Ну давай. – Офицер повернулся к новичку и улыбнулся. – Сейчас посмотрим, чему вас там научили...

Отперев камеру, он ободряюще улыбнулся подчиненному. Сержантик, тоже улыбнувшись в ответ начальству, резко нахмурился и шагнул в камеру:

– Садовничий, на выход! – Голос у него был решительный, но почти подростковый, неоформившийся.

Видимо, и Цезарь это услышал, поскольку перестал напевать очередную походную песню и, повернувшись к сержантику, улыбнулся, сделав едва уловимый жест правой рукой, в которой на мгновение тонким лучиком сверкнула спица... Спустя секунду все было кончено.

– Теперь быстро! – Голос офицера отдавал хрипотцой. – По коридору налево, дверь в конце...

Упрашивать Цезаря не пришлось: он знал, что в указанной офицером комнате его ждет другая одежда и телевизионная камера с логотипом популярного канала, никогда не упускавшего возможности осветить даже мельчайшие криминальные события, не говоря о столь громком деле, как арест авторитета его уровня.

Офицер оказался хорошим инструктором: оглядев Садовничего с ног до головы, он кивнул прежде всего на камеру:

– Быстро включай питание... теперь лампочку... Камеру на плечо – и в зал, пока там никого нет...

– Проверь, нет ли, – буркнул Цезарь.

Офицер послушно включил рацию:

– Котельников, как там – обвинение приехало?... Ждете с минуты на минуту? Ладно, доложишь сразу... Кто от них? Сам Меркулов? Тем более доложишь!

Он нахмурился и снова поторопил Садовничего:

– Теперь пошли: говорить буду я, ты лучше молчи, кивай, и все...

Зал судебных заседаний, в который они вошли, был практически пуст – если не считать старушки уборщицы, даже не взглянувшей в их сторону.

– Ну вот, – громко произнес офицер, – это и есть зал, в котором будет проходить процесс... На съемку у вас ровно минута... – Он внимательно наблюдал за Цезарем, действительно заснявшим зал. – Все, теперь, пожалуйста, сюда. – Он указал на незаметную дверь, противоположную той, через которую они вошли.

Спустя несколько секунд оба уже двигались по длинному коридору к служебному входу в здание. Спустя еще три минуты Цезарь смешался с толпой журналистов перед входом в суд, офицер скрылся в соседнем со зданием переулке.

Неброского серого цвета «девятка» ждала их за углом. Открыв переднюю пассажирскую дверцу, офицер с облегчением опустился на сиденье: одним из условий Цезаря было требование – за рулем находиться должен он сам... «А если его все-таки схватят?..» Нет, таких мыслей допускать нельзя! Куда приятнее еще раз вспомнить о сумме «зелени», уже полученной, и еще об одной такой же, которую предстоит получить...

Мысли об этих баксах оказались столь завораживающими, что офицер даже вздрогнул, когда водительская дверца распахнулась, и Цезарь тяжело брякнулся на сиденье вместе с камерой.

– Чего так долго? Я уже волноваться начал, – тихо произнес офицер.

– Да хмырь какой-то привязался, триста баксов предлагал, чтобы кассетку перегнать...

– А ты ему чего?– встревожился его спутник.

– «Чего»... Чего надо, то и сказал, чтоб шел на... А в другой раз меньше клювом щелкал!.. Ладно, Толян, спасибо тебе!

– За «спасибо» картошки не купишь. – Офицер усмехнулся, живо снял фуражку и сбросил китель. – Давай заводи... Ехать пора – время!

– Погоди, Толян, а ты как? Где скрываться намерен?.. Учти, с твоими бабками, какие нынче поймел и еще поимеешь, на дно залечь надолго придется! Да и то сказать – с такой «капустой» можно куда хошь: хоть в Гималаи, хоть на Майами...

– Да тебе-то какая разница, куда я линияю? Ну в Испанию... И что?

– В Испании хорошо... – Цезарь доброжелательно улыбнулся и посмотрел на Толяна. – Так что удачи тебе, друган!.. Движения – короткого и стремительного, как молния, сопровождавшего эти слова Цезаря, – «друган» не заметил. Длинная тонкая спица легко вошла офицеру в бок... Умер он, в отличие от сержантика, не сразу. Минуты две Толян, так и не поверивший в случившееся, мелко дергался и хрипел, вытаращив на Садовнического глаза. Потом все было кончено.

Пашка извлек спицу, спокойно вытер ее об одежду жертвы, после чего вложил оружие убийства ему же в руку.

– Возьми, – ядовито ухмыльнувшись, пробормотал он, – на корриду в Испании сходишь...

Свои действия по уничтожению ненужного ему свидетеля Цезарь завершил как раз вовремя: возле так и не тронувшейся с места серой «девятки» затормозил черный джип с тонированными стеклами. Прежде чем покинуть машину и пересесть в него, Цезарь зорко оглядел улицу через лобовое стекло «девятки». Улица была пуста. Ну или почти пуста: вряд ли стоило принимать во внимание двух сикилявок лет по пятнадцать, щебетавших о чем-то своем в тупичке возле гаражного кооператива, выстроенного на задах переулка. Погода, с утра обещавшая дождь, наконец-то расщедрилась на него, первые капли потекли по стеклу машины, небо, обложенное тяжелыми, серыми тучами, казалось, вот-вот свалится на московские крыши... Усмехнувшись, Цезарь выбрался наружу и через пару секунд скрылся за пассажирской дверцей иномарки. В то же мгновение джип, водитель которого и не думал глушить движок, рванул с места. К зданию суда Константин Дмитриевич Меркулов подъехал за пятнадцать минут до начала заседания. Намеревался раньше, но пробки, будь они неладны, даже при наличии сирены, время все равно отняли. Дениса, пробиравшегося к нему сквозь толпу, ставшую за это время гораздо больше и плотнее, несмотря на то что заседание будет закрытым, он увидел сразу и, несмотря на спешку, дождался его.

– Ну что?

На потянувшиеся к нему микрофоны и блики многочисленных телекамер Константин Дмитриевич постарался пока не обращать внимания.

– Все нормально... Только что его адвокат соловьем заливался в камеру, – зло усмехнулся Денис.

– Саша здесь?

– Нет, Константин Дмитриевич. – Грязнов-младший хмуро пожал плечами. – Что бы там ни было, не понимаю я его... Что вы хотите?!

Последнее замечание относилось не к Меркулову, а к самому настойчивому из телевизионщиков, сумевшему-таки продрасть к ним ближе всех.

– Господин Меркулов, всего один вопрос! – выкрикнул журналист. – Как вы относитесь к мораторию на смертную казнь?.. Народ требует для Садовнического высшей меры, что вы можете на это сказать?..

Константин Дмитриевич поморщился и, дождавшись, когда один из сопровождавших его оперативников вместе с Денисом устранил с дороги нахального журналисту, поспешно двинулся к зданию суда по проложенному для него сквозь толпу коридору. – И что там болтал его адвокатишка? – поинтересовался он, едва очутившись в коридоре, все у того же Грязнова-младшего.

– Да ничего конкретного ни на один вопрос, так – треп о демократии, при которой каждый имеет право на справедливость... Константин Дмитриевич, мне кажется, что-то стряслось...

Но Меркулов уже и сам видел бледного как полотно судью, спешившего им навстречу с перекошенным от страха лицом.

– Несчастье... – пролепетал судья, хватаясь за сердце. – В камере для подсудимых молоденький сержант... убит...

– Где Садовнический?! – рявкнул тоже побелевший в одно мгновение Меркулов.

– Н-не знаю... Его нет...

– Дьявол!.. Денис, быстро звони дядьке! Здесь полно оперов! Обыскать каждый угол в здании и вокруг...

И, круто развернувшись, он бросился в сторону камеры для подсудимых.

Меркулову хватило одного взгляда на неподвижное тело молоденького сержанта, вокруг которого уже сустились медики, чтобы понять, что именно здесь произошло.

– Где старший офицер конвоя? – Вопрос он задал запыхавшемуся от быстрого бега и только что догнавшему его судье.

– Он тоже исчез... – выдохнул тот.

Константин Дмитриевич молча достал мобильный телефон и, отыскав в меню номер Турецкого, стал ожидать ответа.

МАЙЯ

Она думала, что и квартира у дяди Юры окажется такая же шикарная, как его машина. И поэтому немного удивилась, обнаружив, что живет он в обыкновенной двушке-распашонке, да еще в пятиэтажке, выстроенной в хрущевские времена, о которых любил рассказывать ей когда-то отец.

Обстановка в квартире тоже была самая обыкновенная и совсем не шикарная. В той комнате, что побольше, стоял старенький письменный стол с когда-то полированной столешницей, диван, маленький журнальный столик и два желтых кресла.

Стены хоть и чистые, но оклеены заурядными серыми обоями в мелкий цветочек. Ни одной картины или эстампа, способных оживить их, только сбоку от письменного стола дяди Юрин диплом психолога в простой рамочке под стеклом.

Маленькая комнатка была уютнее: здесь помимо узкой кушетки, накрытой ярким клетчатым пледом, и точно такого же журнального столика, как в большой комнате, имелось огромное, во всю стену, зеркало, а на дверце встроенного раздвижного шкафа-купе висел яркий плакат с красоткой, возлежавшей на фоне березовой рощи.

Дядя Юра, судя по всему, почувствовал Майино недоумение, потому что, некоторое время понаблюдав за ее перемещениями по квартире, тихонько усмехнулся и пояснил:

– Это, Майечка, съемное жилище, хозяева давно уже живут за рубежом, на ПМЖ... Ты знаешь, что такое ПМЖ? Девушка кивнула, и они отправились на кухню – пить чай.

То есть это у дяди Юры называлось «пить чай». На самом деле небольшой холодильник оказался настоящим клондайком еды: на столе одно за другим появлялись извлекаемые из него хозяином настоящие яства. Красная и черная икра, несколько нарезок разной копченой колбасы, сыр, брынза, нарезка с белой рыбой, баночка маринованных помидоров-черри, которые Майя обожала. На маленькую, двухконфорную, плиту была взгромождена большая чугунная сковорода с настоящим, как он выразился, пловом...

– Дядя Юра, я же лопну! – Майя улыбнулась. – Или растолстею так, что мамуля меня не узнает...

– Ничего, тебе и впрямь не помешало бы немного поправиться, деточка, если бы не наши планы... – Он оценивающе посмотрел на девушку.

Майя ни в коем случае не тянула на свои шестнадцать с половиной. Худенькая, хрупкая, с едва обозначившейся грудью, она явно отставала в физическом развитии от своих ровесниц. Да и личико нежное, тонкое, совсем детское, с наивными голубыми глазами.

Чаепитие действительно получилось более чем плотным, и, внимательно глянув на свою гостью, дядя Юра безапелляционно отправил ее в маленькую комнату отдыхать.

– Не стоит бороться с режимом, к которому ты успела привыкнуть в больнице, – сказал он. – Иди ложись и постарайся уснуть. Выспишься – сразу почувствуешь себя лучше! Да ты и так носом клюешь... – Он рассмеялся.

– Это потому, что я объелась!.. Ну хорошо, я прилягу. А вы?

– А мне, деточка, надо поработать, видела, сколько у меня на столе бумажек? Это все истории болезни моих пациентов, которые я переношу в компьютер...

– А зачем?

– Я, девочка, работаю над диссертацией... Конечно, я бы с удовольствием рассказал тебе, в чем ее суть, но ты, малышка, все равно не поймешь... Ну а если коротко, ты же не думаешь, что одна на свете нуждаешься в помощи? Или что в ней нуждаешься только ты и твоя мама?..

Майя посмотрела на него с восхищением: да, доброта дяди Юры действительно редкостная, мамуля права... Ведь даже сейчас он заботится не только о ней, но еще о стольких детишках, родившихся, в отличие от Майи, совсем даже не в рубашке, скорее наоборот...

Она послушно отправилась в маленькую комнатку и прилегла на кушетку, оказавшуюся очень мягкой и удобной. Дядя Юра, как и сказал, ушел к себе, а к девушке, которая чувствовала себя действительно утомленной, сон почему-то не шел. Зато пришли, как это обычно бывало и в больнице во время бессонницы, воспоминания...

...Мамочка зря волновалась насчет отношения дочери к отцу: в те времена, когда он был просто папой, папочкой и даже папусиком, Майя его очень любила. Конечно, не так, как маму, но любила. Несмотря на то что он часто сетовал: мол, она пошла совсем не в их колычевскую породу, такая же хрупкая и болезненная, а главное – такая же не в меру чувствительная, как ее мама... Майя совсем не обижалась. Она, наоборот, радовалась и даже не до конца верила, что, когда вырастет, станет такой же красавицей, как мамуля.

Наверное, если бы отец больше бывал дома, ее любовь к нему со временем стала бы еще крепче. Но папа занимался бизнесом – небольшим и, с точки зрения его дочери, немного смешным: его маленькая фирма, состоявшая из крошечного цеха и конторы, которую даже офисом трудно было назвать, производила упаковки. Самые разные – от целлофановых пакетов до картонных коробок, в которых перевозились, например, продукты. Коллектив в цехе был маленький, и отцу приходилось изредка, когда шли большие заказы, становиться к станку самому. А помимо этого и все остальное, чего не поручишь другим людям, тоже делать: ездить в эти свои командировки, чтобы заключать контракты с клиентами не только в столице и Подмоскovie, заниматься бухгалтерией (папа заканчивал в свое время экономический факультет и не желал никому доверять финансовые дела фирмы).

Словом, в конторе у него, кроме секретарши, никого не было. Майя несколько раз слышала, как мамочка уговаривала отца нанять кого-нибудь в качестве хотя бы главбуха, беспокоясь о его здоровье. Но он стоял на своем.

– Мила, – возражал он ей, – ради бога... не лезь в мои дела, я не собираюсь расширяться, новые сотрудники мне не нужны! У меня с текучкой вполне справляется секретарь, она очень профессиональная девушка, с двумя высшими образованиями... Зачем мне еще кто-то? Чтобы выплачивать на одну зарплату больше или чтобы нас при этом к тому же обворовывали?... И вообще, тебе что, не хватает денег, которые я приношу в дом?

На этом месте мама, как правило, пугалась, тем более что денег ей вполне даже хватало: на себя она почти не тратилась, только на еду и, конечно, на Майю. Мамуля и без дорогих тряпок была красавицей, и ее совершенно не смущало, что все свои одежды она покупает на рынке.

– Сама подумай, – говорила она дочке, при этом весело смеясь, – разве на костюме или платье написано, где они куплены?... А в дорогие бутики везут те же самые вещи, какие и на рынке продают, я это знаю точно!

– Думаешь? – с сомнением переспрашивала Майя, тайком от родителей почитывающая дамские романы и благодаря им знавшая, что на самом деле это не так.

– Говорю же, что знаю!

– Откуда?

– Мне дядя Саша на днях рассказал такую историю!..

Дядя Саша был их соседом по этажу и работал закупщиком обуви для какой-то то ли фирмы, то ли магазина.

– Вот послушай. – Мамины глаза, синие, как настоящие сапфиры, сверкали от возбуждения. – В прошлый раз он привез своей хозяйке партию сапожек из Италии – ну этих, которые сейчас моднучие, почти до колен... А у тети Веры, его жены, как раз сапоги порвались. И он решил взять одну пару для нее – конечно, с разрешения хозяйки. Словом, за партию он заплатил какие-то гроши, и одна пара тоже стоила гроши. Где-то на наши деньги тысячи полторы, даже меньше...

– На рынке и то таких цен нет, – возразила Майя.

– Конечно нет, там же тоже наценка!.. Но я тебе совсем не об этом говорю! Пока дядя Саша оформлял эту пару для жены, пока из его заработка высчитывали ее стоимость... Словом, хозяйка уже успела выставить привезенные им сапожки на витрину... Знаешь за сколько?

– За сколько? – затаила дыхание девушка.

– За пятнадцать тысяч!.. – с торжеством произнесла мама.

– Не может быть!

– Еще как может! У нее один из самых дорогих бутиков в Москве... Но это еще не все: там, в Италии, дядя Саша брал эту партию вместе со знакомым, который торгует на Петровско-Разумовском рынке, и ты ж понимаешь, что за пятнадцать тысяч он их там продавать не будет? А товар-то один и тот же, от одного производителя!

– Но, мамуля... разве итальянская обувь может быть такой дешевой? – усомнилась Майя.

– Дурочка ты моя... Смотря какая! В Италии тоже полно мошенников и всяких подпольных фирм, как у нас, которые шьют ту же обувь, что и знаменитые фирмы, подделывая их лейбл... А теперь скажи: будешь еще расстраиваться из-за того, что я предпочитаю рынок бутикам?

Мама, как и отец, была экономистом, хотя институт закончить так и не успела – вышла замуж за папу, забеременела Майей, да так и застряла дома – в качестве жены и матери. Поэтому не верить ей она не могла. И на папу за то, что поощрял мамины рыночные привязанности, сердиться перестала. И любила его еще целых два года подряд – до той самой командировки, которая оказалась роковой...

Ничего особенного в той командировке поначалу не было. Он сказал им с мамой, что отправляется дня на три-четыре в Тверскую область подписывать контракт с крупным заказчиком, владельцем двух или трех фирм. Заодно закупит материалы, необходимые для упаковок, потому что в Твери это куда дешевле, чем в других местах, не говоря о Москве. Мамулю он, как всегда, попросил не названивать ему на мобильный по три раза в день, если она не хочет, чтобы он вовсе отключил телефон... Мама, как всегда, пообещала, хотя обещания свои никогда не исполняла, потому что беспокоилась о папе и в конце концов не выдерживала и звонила.

Майя немного ревновала мамочку к отцу и поэтому была на его стороне, она и сама уговаривала ее не названивать папе каждый день, правда безрезультатно.

– Ну как ты не понимаешь? – нервничала мама. – У него же с собой крупная сумма денег, мало ли что может случиться?! – У него не крупная сумма, а электронная карточка, – парировала Майя, но для мамы таких аргументов просто не существовало.

В ту командировку отец уехал рано утром. Мама провожала их обоих одновременно, папу – в поездку, Майю – в школу, куда он подбросил ее по дороге. Машина у них была самая обыкновенная, каких в Москве тысячи: темно-вишневый сорок первый «Москвич». Иномарок папа не признавал, считал, что они привлекают к бизнесменам внимание бандитов, ему это было совершенно ни к чему.

Школьный день у Майи тогда выпал удачный: последним уроком была литература, а учительница заболела. Завуч отпустила класс по домам, поскольку подменить литераторшу оказалось некому. Выйдя из школы, девочка посмотрела на часы и поняла, что мамули сейчас дома нет, в это время она всегда отправлялась на ближайший рынок за продуктами. Ходила она туда ежедневно не потому, что не могла закупить продукты про запас на всю неделю, а потому, что ей так нравилось – что-то вроде прогулки: мамуля ведь редко куда-нибудь ходила! Гулять одна и даже с Майей она не очень любила, а папа всегда был занят.

Девочка улыбнулась, вспомнив, как мамочка каждый раз, прежде чем отправиться за покупками, тщательно принаряжается, никогда не выходит в одном и том же платье из дома два дня подряд.

Подумав, Майя решила, что, поскольку домой можно пока не спешить, не грех и ей прогуляться: на дворе цвел и сиял, как и сейчас, пышный, зеленый, по-летнему теплый в том

году май... У нее были с собой деньги, и она, вместо того чтобы свернуть к дому, пошла к троллейбусной остановке, решив проехаться до Ботанического сада. Если действовать осторожно, можно потихонечку нарвать там запретных ландышей и спокойненько вынести их из Ботаники в школьном рюкзаке: мамуля обожала ландыши, которые, к сожалению, не разрешалось теперь даже продавать, кажется, их занесли в Красную книгу.

Троллейбус появился на удивление быстро, и спустя двадцать минут Майя, заплатив за вход, уже шла по центральной аллее сада. Она прекрасно знала, где и куда нужно свернуть, чтобы добраться до ландышевой поляны, потому что любила Ботанику и изредка ездила сюда одна, еще реже с мамулей, которая была жуткой домоседкой и соглашалась составить дочке компанию нечасто.

Ее затея удалась: никто из сотрудников сада девочку не застукал, а ландыши здесь были неправдоподобно крупные и пахучие. Майя нарвала их даже больше, чем собиралась, и аккуратно припрятала в одном из отделений рюкзака, которое специально с этой целью освободила от учебников и тетрадей. Оставалось последнее – покинуть Ботанический сад с нейтральным, а может, даже грустным выражением на лице... И это у нее получилось тоже!.. Причем все, вместе взятое, заняло совсем немного времени: мамы наверняка все еще нет дома.

Майя не любила приходить домой, когда ее не было. А любила она совсем другое: чтобы мамулечка встречала ее в прихожей, чтобы на плите уже стоял подогретый к ее приходу обед, чтобы, пока мама накрывает на стол, а Майя в предвкушении еды сидит и ждет, они разговаривали. Она расскажет ей, как прошел школьный день и про операцию «Ландыш», а мамуля будет испуганно ахать и охать, но при этом искренне радоваться и белоснежному букету, и тому, как любит ее дочка, как ради нее рискует, и самое радостное то, что, когда рисковала, мама об этом не знала, а теперь, слава богу, все позади. И обязательно скажет Майе: «Больше так никогда не делай, если не хочешь, чтобы у меня случился разрыв сердца! Дай слово, что больше не будешь!»

И она даст. И, конечно, при первой же возможности его нарушит!

Майя посмотрела на часы и задумалась, куда ей девать оставшееся до маминого прихода время. А его впереди еще хватало: уроки литературы у них были спаренные, как в вузе, а с ландышами она управилась на удивление быстро. И она решила дойти до кинотеатра «Рига», вдруг есть подходящий сеанс, на котором можно убить время? С цветами ничего не случится, если она аккуратно поставит рюкзак на колени – они же совсем свежие!

Лучше бы Майя тогда сразу отправилась домой и ждала маму там. Потому что, когда она дошла до «Риги», взгляд девочки, случайно скользнувший по расположенной рядом с ним парковке, заставил ее вздрогнуть, словно она наткнулась на невидимую стену: ей показалось, что крайняя машина, темно-вишневый «сорок первый», – это их «Москвич», который в данный момент должен был находиться совсем на другой, привокзальной, парковке... Может, она ошиблась?... Майя никогда не запоминала специально номер «Москвича», помнила только, что в нем есть число «28»... Здесь оно тоже было. Но не это главное: за спинкой заднего сиденья, в заднем окне машины, лежал в точности такой же плюшевый тигренок, как у них... Майя сама подарила его папе на день рождения три месяца назад и собственноручно водрузила его туда так, чтобы тигренок было видно сквозь стекло.

Девочке было уже пятнадцать с половиной лет, и она знала кое-что о жизни... Это знание и заставило Майю не бросаться сразу к машине, а попятиться и с гулко забившимся сразу же сердцем затаиться за ближайшим деревом. Ей показалось, что ждала она целую вечность. На самом деле, когда потом, позже, посмотрела на часы, оказалось, что прошло всего минут двадцать – двадцать пять, не больше.

Именно через такое время из ближайшей кафешки, примыкавшей к кинотеатру, и показался отец с Крысой под ручку... Крысой она стала называть ее уже потом, а тогда просто смотрела во все глаза на ту самую «профессиональную секретаршу с двумя дипломами о высшем

образовании» и, кроме отчаянно колотившегося сердца, почти ничего не чувствовала. Майя не знала, что такое шок, поэтому и позже, вспоминая этот момент, не могла понять своего тогдашнего состояния. Конечно, ей следовало выскочить из своего укрытия, кинуться на отца с его секретаршей, которую он, прежде чем посадить в машину, поцеловал так, как имел право целовать только их мамочку, и никого больше; ей следовало выцарапать Крысе глаза, а может, и предателю отцу тоже, а она вместо этого словно прикипела к месту, вцепившись в шершавый ствол дерева, за которым стояла.

Они уехали. А Майя все еще держалась за дерево. Потом выпустила ствол из ладоней, на которых яркими алыми пятнами отпечатались вся география коры. Потом она медленно сдвинулась с места и побрела куда глаза глядят, пытаясь вместить в себя то, что только что увидела и узнала...

– Не спишь, значит?.. – Майя едва не подпрыгнула на кушетке: если ее что-то и раздражало в дяде Юре, так это его способность появляться бесшумно, неожиданно, словно ниоткуда.

Она смущенно посмотрела на него, с трудом возвращаясь из своих воспоминаний, и промолчала.

Дядя Юра покачал головой, присел на край кушетки и взял Майю за запястье, одновременно освободив из-под обшлага рубашки левой руки часы – очень красивые и, наверное, дорогие.

Помолчав с полминуты, он покачал головой:

– Сердечко частит, – он коснулся пальцами лба девушки, – взмокла вся... Никуда не годится, девочка моя... Тебе сейчас надо думать о будущем, а не о прошлом, о вас с мамой и о детях, о которых я тебе рассказывал... Давай спать!

Майя покорно кивнула и протянула ему руку, которую дядя Юра, послушав пульс, успел выпустить.

Он очень осторожно взял Майину ладонь в свою и пристально посмотрел ей в глаза:

– Спать, моя маленькая, спать...

Глаза у дяди Юры были черные и бездонные, как омуты, наполненные спокойствием и тишиной. Девушка слабо улыбнулась, ощутив легкое, приятное головокружение, и не заметила, как ее собственные веки опустились. Ей казалось, что она плывет, легко и свободно, по каким-то теплым, нежным волнам то ли озера, то ли и вовсе моря, хотя настоящего моря никогда не видела. Но это и неважно, главное – ей было хорошо, по-настоящему хорошо...

Он осторожно выпустил Майину ладонь из руки, задумчиво посмотрел на спящую девушку. Поднялся и аккуратно поправил на ней плед, после чего осторожно вышел из комнаты и вернулся к прерванной работе.

ГОССОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

1

Ирина Генриховна открыла глаза и улыбнулась, но вслед за этим сразу же нахмурилась:

– Шурик... Ты что, всю ночь не спал?

Турецкий покачал головой и нежно взял жену за руку:

– Всегда завидовал собственной жене: не успеет распахнуть свои синие очи, как уже проснулась... Ну с чего ты взяла, что не спал?

– Ох, Шурик... Вовсе не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять: ты в зеркало на себя смотрел? У тебя глаза красные!.. Даже не думай меня обманывать, у тебя же все на лице написано! И как ты только своих подследственных вокруг пальца обводишь?– Психолог ты мой... И что же ты еще знаешь о своем муже и при этом молчишь?

Но Ирина шутки не приняла, вполне серьезно покачав головой:

– Уж знаю... Например, что у тебя сейчас какие-то важные дела, о которых ты страшно беспокоишься, из-за которых буквально разрываешься пополам...

– Вовсе нет, ты просто стала мнительная, Иришка!

Александр Борисович воровато отвел глаза, а потом и вовсе поднялся со стула, на котором действительно провел всю ночь, и, подойдя к окну, с наигранным интересом уставился на больничный двор. Его жена, посмотрев на напряженную спину супруга, грустно улыбнулась:

– Шурик, если тебе надо куда-то идти, пожалуйста, иди! Катя сегодня дежурит в своем отделении, в соседнем корпусе, и сразу после обхода придет ко мне... Иди, Шурик!

– Да с чего ты, в самом деле, взяла, что мне надо куда-то идти?!

– Видел бы ты себя со стороны... Ночью я просыпалась на минуточку, смотрю – ты взад-вперед по палате, как тигр в клетке, ходишь. Да и сейчас: спина каменная, отвернулся, чтобы я твою физиономию не видела, а сам по подоконнику пальцами барабанишь... И телефон отключил, чтобы тебе не звонили... Шурик, поезжай куда тебе надо! Ну очень тебя прошу...

– Если Бог хочет наказать мужчину, – вздохнул Турецкий, поворачиваясь к Ирине, – он посылает ему жену-психолога... Из тебя со временем выйдет отличная мисс Марпл, осталась самая малость – дожить как минимум до восьмидесяти лет!

– Ты все шутишь... На самом деле я стала такая тупая! – Ирина Генриховна вздохнула и осторожно села на постели. – Хочешь взглянуть, что я сейчас читаю? Вот... Сплошная желтуха...

Она иронично фыркнула и достала из-под подушки действительно в прямом смысле слова желтую по цвету бумаги, на которой издавалась, газету.

– Нет, Турецкий, ты только послушай: «Людмила Гурченко стала прабабушкой...» Это еще ничего! А-а-а... Вот: «Знаменитая звезда шоу-бизнеса Герда выходит замуж за английского лорда и улетает в его замок в Шотландии!» Как думаешь, зачем она сдалась английскому лорду?.. Хотя, если верить снимку, он и сам больше похож на какого-нибудь хиппи, патлатый какой-то...

Александр Борисович улыбнулся и покачал головой:

– Ну надо же, как мир-то тесен...

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь настоящее имя этой самой Герды? Татьяна Мохова!

– Не знала, что ты еще и в шоу-бизнесе ориентируешься, – удивилась Ирина.

– Не в шоу-бизнесе я ориентируюсь, а, как легко догадаться, в бандитах... Мохова несколько лет была любовницей Цезаря.

– Кого?!

– Пашки Садовниченко... Цезарь – его погоняло: в девяносто девятом он ухитрился совершить сразу три ограбления в разных районах Москвы одновременно, минута в минуту... Вот и прозвали.

– Надо же! – Глаза Ирины заинтересованно блеснули. – И кто из них кого бросил?

– Ну по официальной версии – Мохова. Она потом во всех интервью вопила, что он ее бил, угрожал... Ублюдок, словом.

– А почему ты говоришь «по официальной»? Что, неофициальная версия тоже есть?

– Ну знаешь, она всегда есть – так, на всякий случай...

– Не понимаю... А какое, собственно говоря, это имеет значение, кто из них кого бросил?

– Ты права, никакого... А вот если никто никого не бросал, а вся история с разрывом была просто-напросто с какой-то целью ловко разыграна, – тогда имеет.

– Ой, Шурик, какой ты умный, я бы о таком варианте ни за что не подумала... Говорю же, тупая стала. А телефон ты все-таки включи и, если тебе нужно куда-то отлучиться, поезжай! Катя будет с минуты на минуту, раз уж ты так за меня волнуешься.

Турецкий ласково посмотрел на жену и, подойдя к кровати, обнял Ирину за плечи:

– Никуда я не поеду... А телефон, если ты так настаиваешь, включу...

Ответить мужу она не успела, поскольку в палату заглянула медсестра:

– Турецкая, в процедурную, вас ждут!

– Осторожно, я помогу тебе встать, – тут же засуетился Александр Борисович. И с нежностью добавил: – Девчонки вы мои драгоценные... – Девчонки?.. – Ирина замерла, а ее муж по-настоящему смутился.

– Черт... Проговорился...

– Да, Шурик, ты, конечно, великий конспиратор!

И, внимательно посмотрев на супруга, не выдержала и рассмеялась.

Перепоручив Ирину переминавшейся в нетерпении медсестре, Александр Борисович некоторое время расхаживал по палате, изредка нервно поглядывая на дверь. Наконец все-таки извлек из своей барсетки мобильный телефон и включил. И аппарат тут же, не замедлив, разразился громким, нетерпеливым звонком, а на экране высветился, как, собственно, он и предполагал, номер Меркулова. Что ж, ничего не поделаешь... Он вздохнул и включил связь:

– Слушаю тебя, Костя!

– Плохо слушаешь, я тебе уже полчаса названиваю!.. Саня, быстро собирайся и лети сюда, я послал за тобой машину с Денисом, он с минуты на минуту будет на месте!

– Да что стряслось?!

– Садовничий час назад бежал из здания суда!..

– Как?!

– Не знаю я как! Вывели, вероятно! Исчез офицер конвоя... Турецкий, как хочешь извиняйся перед своей Ириной и на всех парусах дуй сюда!..

Александр Борисович к этому моменту уже и сам успел выскочить из палаты и, молча пролетев мимо сестринского поста, не обратив внимания на изумленный взгляд сестрички, бросился вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Меркулов оказался прав: Денис домчал до больничных ворот как раз вовремя, несмотря на все еще не рассосавшиеся утренние пробки: помогла сирена, благодаря которой половину пути он проделал по встречной полосе...

– Сан Борисыч, – начал было он, открывая переднюю пассажирскую дверцу, но Турецкий закончить фразу не дал.

– Быстро в Шереметьево!.. – Он с размаху шлепнулся в кресло и захлопнул дверцу. На реакцию Грязнов-младший никогда не жаловался: выкрашенный в традиционные желто-синие

тона «Москвич», украшенный разноцветными мигалками и снабженный совсем не москвичевским движком, моментально рванул с места, одновременно взыв сиреной.

Всю дорогу до аэропорта Турецкий напряженно молчал, Денис не отвлекал «важняка» дополнительными вопросами, полностью поглощенный дорогой, одолел которую в рекордные сроки.

В шереметьевском зале Александр Борисович, быстро оглядевшись, задержал на мгновение взгляд на табло и внезапно успокоился:

– Вот что, Дениска... Иди в здешнее отделение, подсобери оперов – всех, кто свободен и несвободен, пусть прихватят наручники... Так, на всякий случай... Ко мне близко не подходить, все должно выглядеть как обычный чёс дежурных в зале...

Грязнов-младший молча кивнул и, тоже глянув на табло, ретировался. Если верить электронному сообщению, раз за разом проплывавшему по черному полю, в данный момент завершалась регистрация на очередной рейс Москва – Эдинбург... Турецкий подошел к прилавку небольшого бара, ближайшего к регистрационным стойкам, заказал чашечку кофе и еще раз незаметно оглядел зал. Как раз вовремя, чтобы заметить входивших туда в этот момент мужчину и женщину. Пара была заметная: дама, еще молодая, явно до тридцати, была красива броской красотой зеленоглазой брюнетки, ее походка, жесты, почти королевские, свидетельствовали о том, что эта красавица привыкла к всеобщему поклонению. Спутник женщины, облаченный в дорогой костюм и не менее дорогую шелковую сорочку с галстуком, несмотря на это, выглядел гораздо «дешевле» женщины. В первую очередь из-за слишком длинных, словно у хиппи шестидесятых годов, волос: впрочем, аккуратно, даже слишком аккуратно причесанных. На глазах у него были большие темные очки.

Как и предполагал Турецкий, оба они направились на регистрацию. Александр Борисович тихонько отодвинул свой кофе и незаметно, стараясь не попадаться парочке на глаза, проскользнул за ними. Боковым зрением он засек появившегося в сопровождении двоих дежурных милиционеров Дениса. Все трое с самым безразличным видом неторопливо двинулись в его сторону.

«Заканчивается регистрация на рейс тридцать один двадцать пять до Эдинбурга!» – сообщили в этот момент динамики приятным женским голосом. А девушка-регистратор приветливо улыбнулась только что подошедшей паре:

– Вы последние... Ваши паспорта и билеты... Ответить никто из них не успел. Турецкий, пока сотрудница аэропорта изощрялась перед важными пассажирами, тихонько тронул мужчину за плечо.

– Здравствуй, Паша, – почти ласково и совсем негромко произнес Александр Борисович.

Мужчина невольно вздрогнул от неожиданности и обернулся. К ужасу девушки-регистраторши, прекрасно знавшей, кто именно едва не опоздал на рейс тридцать один двадцать пять, изящный, вполне симпатичный и мирный на вид блондин, пристроившийся за звездой шоу-бизнеса и ее спутником, внезапно размахнулся и изо всех сил вмазал по физиономии господину королевских кровей, жениху великолепной Герды.

Спустя два с половиной часа в кабинете все еще бледного Меркулова над эпизодом, завершившим-таки эпопею Цезаря, все еще нервно посмеивались над «важняком» оба Грязновых – старший и младший. Физиономию самого Александра Борисовича украшал довольно-таки приличный фингал, уже начавший менять свой цвет с багрового на желтый. Заместитель генпрокурора, впрочем, не слишком бурно реагировал на подначки друзей, невозмутимо попивая коньячок, который по такому случаю Константин Дмитриевич самолично водрузил на стол.

– Гарольд Спенсер Фицрой-Симпсон Джу... Джуниор! – громко зачитал по бумажке Вячеслав Иванович. – Родился в одна тысяча девятьсот шестьдесят пятом году в Лондоне.

Лендлорд, судя по всему, четвероюродный племянник принца Чарльза... Зачем же ты на него, Санечка, полез-то?

– Действительно, Турецкий, – не утерпел и Денис, – ты готов к войне с Англией?

– Ну хватит, ребята, – Александр Борисович поморщился. – Понимаю, это у вас нервное... Меня другое заботит: что я сейчас Иришке скажу?.. У нее через пять минут капельница кончается, вернется в палату, а мужа и след простыл!

– С твоей-то фантазией наверняка выкрутишься, – уверенно и немного насмешливо произнес Меркулов. – Лучше скажи, как тебе удалось до такой тонкости отточить свою интуицию? Честно говоря, история на грани мистики... Я-то понимаю: сочетание твоего немалого опыта и внутренней работы! Но если со стороны посмотреть?.. Ну скажи на милость, как ты допетрил, что Цезарь со своей якобы бывшей подруженькой мотанет именно в Англию? Как?

Турецкий вздохнул, рассеянно посмотрел в окно и, поколебавшись, сказал правду:

– Если честно, Ирина помогла...

Грязнов-старший недоверчиво покосился на друга:

– Тебе, Сань, если верить, так ты в последнее время ни одного дела без помощи Ирины Генриховны не раскрыл и не завершил. А раньше-то, спрашивается, как работал?

– Говорю тебе, помогла, – значит, так оно и есть, – рассердился Александр Борисович. – Правда, случайно! Ну и что?.. В общем, показала мне статью одну, где говорилось, что Мохова замуж за лорда из Шотландии выходит. А потом о Цезаре разговорились. В газетенке как раз писали, что она собирается лететь в родовой замок лорда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.